

— Это Дун-цзюнь! — одновременно догадались А Си и Фу Ю. Всё было так, как пелось в ритуальной песне: когда на небе появится Тяньлансин, звезда бедствий, Дун-цзюнь натянет свой лук и, взглянув на северо-запад, поразит небесного волка!

— Нет, Дун-цзюня уже переварили, — тут же возразил Фу Ю. — Это, должно быть, лишь остаток его силы!

Но Се Юньчжу охватило странное чувство. Без всяких доказательств, лишь интуитивно, он понял, что это существо не было Дун-цзюнем. Или, по крайней мере, не совсем им.

Под прицелом Тяньлансин задрожал — то ли от страха, то ли от предчувствия взрыва. Подобно зверю, который в момент опасности пытается казаться больше, шар начал стремительно расширяться. Плотнo сплетённые божественные трупы разворачивались, словно тесто на дрожжах, и вскоре он увеличился втрое.

— Боже мой, разве можно его победить?! — А Си от напряжения чуть не выдрала все перья из спины журавля. Разум подсказывал, что это невозможно. Настоящий Дун-цзюнь уже растворился в Золотом море. Великая Шаманка, благословлённая им, потерпела поражение за несколько минут. А это был всего лишь призрак, порождённый остатками его силы, ростом не больше обычного человека...

— Можно, — прошептал Се Юньчжу. Необъяснимый азарт заставил его кровь закипеть. Он уже давно не испытывал такого волнения. И он не знал, откуда взялась эта уверенность. Разве что... когда он посмотрел на лицо среброволосого бога, ему показалось, что золотые глаза ответили ему, бросив через бескрайние руины тёплый взгляд.

Се Юньчжу задрожал всем телом. Словно в этих глазах он увидел звёзды, потерянные прошлой ночью.

После этого мимолётного, почти иллюзорного взгляда, бог снова устремил взор на Тяньлансина. Злобное создание уже в ярости бросилось в атаку, и в тот же миг бог отпустил натянутую тетиву.

Дзинь!

Звук тетивы пронёсся по миру, и небеса и земля содрогнулись в едином порыве.

Золотое сияние пронзило тьму, словно восходящее с земли солнце, несущее с собой неотвратимый рассвет, и вонзилось в плоть Тяньлансина.

В одеждах из лазурных облаков и белых радуг, он поднял длинную стрелу и поразил небесного

волка.

На одну беззвучную секунду всё замерло. Се Юньчжу затаил дыхание.

В следующее мгновение тысячи золотых лучей взорвались изнутри гигантского Мясного шара! Внутри Тяньлансина расцвёл огромный фейерверк. Мириады божественных трупов разлетелись на бесчисленные осколки, превратившись в огненный дождь!

Беловолосый златоглазый бог неторопливо опустил лук и, взмахнув длинным рукавом своего лазурного одеяния, направил падающие, словно дождь, останки прочь, в туман на границе подземелья.

Дёргающиеся, пытающиеся контратаковать, издающие яростные вопли... все эти останки, попадая в туман, мгновенно затихали, словно их поглотила чёрная дыра, куда не проникало даже время.

Мир погрузился в спокойную ночь. Прохладный ветерок развеял зной. В небе нежно мерцал ковш Большой Медведицы.

Бог поднял голову к ночному небу и протянул руку, словно в этом звёздном ковше было налито вино, настоящее на османтусе, и он хотел испить чашу этого победного нектара.

— Я не ошиблась?! — А Си изо всех сил тёрла глаза. Такая пронизательность, превосходящая возможности обычных существ подземелья, вызвала мороз по коже. — Он даже знает о механике тумана и использует её?!

— Это невозможно! Если это сила Дун-цзюня, то его бы с самого начала не смогли съесть! — Фу Ю от удивления говорил бессвязно. — Кто... кто это, чёрт возьми?!

— Потому что я учил его... не заходить в туман, оттуда даже боги не могут выбраться. Он всегда помнил об этом... — тихо пробормотал Се Юньчжу. Двое его спутников странно посмотрели на него, смутно ощущая, что мастер говорит о чём-то невероятном.

Но им не удалось ничего выяснить, потому что разрозненные останки божественных трупов начали неуклонно ползти к ним!

Ползти, но не для того, чтобы атаковать. Напротив, эти обрубки тел почтительно простирались на земле, умоляя!

— Помогите нам... заключить контракт... умоляем вас...

Они молили о контракте с людьми, чтобы избежать неминуемой гибели!

Первым делом они подползли к ногам Фу Ю. Божество с телом человека и головой льва, едва дыша, открыло пасть и легонько укусило его за лодыжку, всем своим видом выражая мольбу и заискивание.

— Хотите заключить со мной контракт? Ох, это слишком серьёзное дело, — с праведным видом отказался Фу Ю. — Мне нужно вернуться домой и посоветоваться с женой. Я не могу принимать такие решения в одиночку.

Останки, не желая сдаваться, повернулись к А Си. Она присела и с любопытством принялась тыкать то в одного, то в другого. Некогда всемогущие боги теперь превратились в смиренных овец, изо всех сил цепляющихся за жизнь.

— Простите, я не могу согласиться, — с сожалением сказала А Си. — Я поклялась пройти этот путь своими ногами. Я должна доказать кое-кому, что потенциал человечества безграничен.

Останки в отчаянии повернулись к последнему человеку, но Се Юньчжу даже не взглянул на них. Он лишь заворожённо смотрел на восток, и голос его становился всё увереннее:

— Это мой бог... я должен найти его.

Словно одержимый, он уже ничего не видел вокруг. Спотыкаясь, он брёл через руины, стремясь туда... там было что-то очень важное, что-то, что он искал всю жизнь... он не мог вспомнить, что именно, и поэтому должен был спросить его лично...

— Ты с ума сошёл! На земле ещё полно останков Тяньлансина! — А Си попыталась схватить его, но её рука прошла сквозь воздух. В одно мгновение Се Юньчжу, окутанный золотым светом, исчез.

Принудительное перемещение не испугало его. Напротив, золотое сияние казалось тёплым и знакомым.

Когда он снова открыл глаза, бог был совсем близко и мягко смотрел на него. Он был выше, но всё же обладал телом смертного, и это тело стремительно становилось прозрачным.

Се Юньчжу смотрел на него, потеряв дар речи.

Это лицо... как бы сказать... слово «красивый» было слишком приземлённым. Оно обладало некой божественностью, которую невозможно было описать земными словами, можно было лишь запечатлеть глазами и повесить в чертогах памяти, словно солнце.

Затем он встретился с его ясными золотыми глазами. В них не было ни холодной отстранённости божества, ни той решимости, что пронзила Тяньлансина. Лишь наивная искренность знакомого зверька...

Чёрт побери, он сразу понял — это его Пушистик!

— А Чжу, — его Пушистик произнёс его имя. Голос должен был звучать элегантно и отстранённо, но в его исполнении он был полон чувств.

— Ещё есть шанс всё исправить, — сказал он. — Ты должен любить его, и тогда он станет сильнее. Настолько сильным, что... сможет изменить вашу судьбу.

Он говорил «его» и «вашу», а не «меня» и «нашу».

Се Юньчжу замер. Его Пушистик не мог сказать такого. Он попытался схватить его, но рука прошла сквозь становящееся всё более прозрачным тело.

— Кто ты?

— Я — лишь одна из его возможностей. Одна из безграничных возможностей любви, — бог слегка улыбнулся. — Последние силы Дун-цзюня поддерживают моё существование, но я не продержусь долго.

— Подожди, у меня ещё много вопросов! — взволнованно воскликнул Се Юньчжу. — Я смогу увидеть тебя снова?

— Вы вместе пройдёте путь от хаотичного и невежественного «начала» до светлого и полного надежды «будущего», — бог с сожалением опустил ресницы. — Ты обязательно встретишь другие возможности, но это буду уже не я.

С этими тающими словами он растворился в воздухе. Вместе с ним исчезли и роскошный лук, и кипящее Золотое море, словно всё это было лишь сном.

Се Юньчжу широко раскрыл глаза, не веря, что он не оставил ничего... Нет, постой, ты вот так просто ушёл, а где мой Пушистик?!

Не успев переварить ошеломляющую информацию, он в растерянности начал осматриваться. Земля, изъеденная Золотым морем, была вся в выбоинах. Наконец, в расщелине между камнями, он заметил грязный комочек шерсти.

Сердце Се Юньчжу бешено заколотилось. Он подбежал и поднял комочек. Взглянув на него, он похолодел.

Пушистик был безжизненно холодным, утратив былую упругость и тепло. Он сдулся, его шерсть была грязной и рваной, а внутри образовалась впадина. Он походил на выпотрошенную плюшевую игрушку, рваную и никому не нужную.

А там, где должны были быть два живых глаза, теперь зияли две чёрные дыры.

Пушистик умер.

Это было ещё невыносимее, чем видеть, как он падает в Золотое море. Ведь тот бог только что говорил что-то о пути от начала до будущего, а его Пушистик вот так просто умер.

Беспольный комочек, возомнивший себя героем. Чтобы защитить его, он действительно отдал свою жизнь.

Он гладил эту рваную шерстку и вспоминал, как каждое утро Пушистик терпеливо расчёсывал себя маленькой расчёской, делая свою шерсть гладкой и милой. А он, увидев это, со злым умыслом взъерошивал его, и Пушистик, надув губы, снова принимался приводить себя в порядок.

— Ничего, — Се Юньчжу сжал его безвольное тельце. — Я тебя отмою, причешу и сделаю красивым.

А потом вырою тебе ямку и похороню как следует. В этом мире, где больше не будет чудовищ, ты сможешь наконец-то выспаться.

Он собрался с силами, чтобы пойти искать воду. Почему-то с недавних пор у него чесалась лодыжка. Он опустил взгляд, но ничего не увидел.

Сделав пару шагов, он почувствовал, что наступил на что-то мягкое. Нахмурившись, он отставил ногу.

На земле лежал комок чего-то похожего на желе. Он был почти полностью прозрачным, и лишь когда он старательно извивался, можно было по преломлению света смутно различить его очертания.

Се Юньчжу присел и двумя пальцами поднял этот комочек. Он оказался тёплым. Приблизившись, он услышал, как желе отчаянно кричит:

— А Чжу! Посмотри на меня! Я здесь, я Мянмянь!

Он кричал так, что всё его тельце тряслось, но звук был тише, чем чих гусеницы.

Се Юньчжу посмотрел на рваный комочек шерсти в одной руке и на прозрачное желе в другой, а затем положил их на одну ладонь. Желе тут же скользнуло внутрь шерстяного комка. Пушистик немного надулся, но был далёк от своей прежней упругости. В его пустых глазницах вспыхнул слабый золотой огонёк.

— У меня нет сил, я не могу его надуть...

— Так Пушистик — это просто твой костюм? — Се Юньчжу усомнился в реальности происходящего. — А твоя истинная форма — это... комок слизи?

— Это духовное тело... — Пушистик понуро опустил голову. — Если я не буду пушистым, ты всё равно будешь меня любить?

Нет, дело не в этом! Или ты думаешь, что пушистые костюмы — это мой фетиш?! Се Юньчжу уже открыл рот для суровой критики, но вспомнил слова бога перед исчезновением — нужно любить его, и тогда он станет сильнее.

Эта желеобразная штука была такой хрупкой, что пара резких слов могла развеять её в прах.

К тому же... то, что призвал Пушистик, действительно одним выстрелом уничтожило Тяньлансина, продемонстрировав невероятную мощь... Хотя механизм активации этой «возможности» был совершенно непонятен, с прагматичной точки зрения, он должен был беречь это сокровище.

Се Юньчжу резко сменил тон и произнёс самым нежным голосом в своей жизни:

— Каким бы ты ни был, ты мне нравишься.

Глаза Пушистика тут же вспыхнули, а шерсть гордо распушилась.

— Мянмянь всегда держит слово, я никогда не обманываю! Я же говорил, что защищу тебя!

— Да-да, достойный моего контракта бог!

— Мянмянь — самое лучшее в мире пирожное?

— Да, ты, ты. Такое вкусное, что хочется тебя съесть.

— А я твоё самое любимое полотенце?

— Точно, точно. Хочешь сейчас вытереть мне губы?

Пушистик тут же застенчиво закрыл глаза, выпятил губки, и его щёчки покраснели.

Се Юньчжу не шутил. Он поднёс грязный комочек к губам и серьёзно поцеловал его — хотя и

не был уверен, в какую именно часть. И тут же почувствовал, как сдувшийся комок в его ладони начал медленно надуваться, снова превращаясь в пухлый шарик.

Оказывается, ему действительно нужно было лишь немного любви, чтобы жить. Его храбрый и замечательный маленький Пушистик.

<http://bllate.org/book/15884/1586950>